

Слухи как феномен
предреволюционной повседневности 1914–1916 гг.:
функции, источники, сюжеты, последствия

Владислав Б. Аксенов

*Институт российской истории РАН, Москва, Россия,
vlaks@mail.ru*

Аннотация. В статье изучается функционирование массовых слухов в повседневной жизни сельских и городских слоев накануне революции 1917 г. Автор разбирает интертекстуальную природу слухов, обращает внимание на архетипический и религиозный пласты крестьянских слухов, влияние беллетристики (фантастики, шпионского детектива и религиозно-мистической драмы) на слухи образованных слоев, а также связь слухов с историческими фактами. В исследовании отмечается разнообразие социальных функций слухов в обществе, делается акцент на том, что слухи фиксируют эмоциональное состояние социума и тем самым выступают важным источником для изучения общественных настроений. В заключение В.Б. Аксенов делает вывод о том, что в условиях кризиса доверия между властью и обществом слухи становятся фактором политики, формируют взаимоискаженные образы основных политических акторов и предопределяют ошибочные стратегии, приводящие к реализации изначально абсурдных слухов, в чем проявляется функция слухов по «самоосуществлению пророчеств».

Ключевые слова: руморология, слухи, самоосуществляющееся пророчество, Первая мировая война, повседневность

Для цитирования: Аксенов В.Б. Слухи как феномен предреволюционной повседневности 1914–1916 гг.: функции, источники, сюжеты, последствия // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 9. С. 103–124. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-103-124

Rumors as a phenomenon of pre-revolutionary everyday life in 1914–1916. Functions, sources, plots, consequences

Vladislav B. Aksenov

*Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, vlaks@mail.ru*

Abstract. The article studies the functioning of mass rumors in the everyday life of rural and urban strata on the eve of the revolution of 1917. The author analyzes the intertextual nature of rumors, draws attention to the archetypal and religious layers of peasant rumors, the influence of fiction (fantasy, spy detective and religious-mystical drama) on the rumors of the educated strata, as well as the connection of rumors with historical facts. The study notes the variety of social functions of rumors in society and emphasizes the fact that rumors record the emotional state of society and thus act as an important source for the study of public sentiment. V.B. Aksenov concludes that under the conditions of a crisis of trust between the authorities and the society, rumors become a political factor, forming mutually distorted images of the main political actors and predetermining erroneous strategies, which lead to the realization of initially absurd rumors, in which the function of rumors to “self-fulfill prophecy” is manifested.

Keywords: Rumorology, rumors, self-fulfilling prophecy, World War I, everyday life

For citation: Aksenov, V.B. (2023), “Rumors as a phenomenon of pre-revolutionary everyday life in 1914–1916. Functions, sources, plots, consequences”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 103–124, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-103-124

Антропологический поворот, способствовавший росту интереса к истории повседневности, ожидаемо вводит в исследовательский инструментарий историка руморологию – направление, изучающее функционирование слухов в обществе. Повседневность, представленная как материальным миром, институализированными структурами (дом, работа, учеба, досуг), так и проявляющаяся на уровне мышления, обнаруживает воздействие неформальной коммуникации – в первую очередь слухов. Однако изучение слухов актуально не только в рамках социальной истории: в период системных кризисов слухи вторгаются в мир политики, подчиняя ее эмоциям и даже предопределяя ее течение.

Массовые слухи¹ выполняют в обществе несколько важных функций. Главная из них – информационная. Слухи содержат актуальную информацию и делают ее массовой, доступной для многих. Другая функция – коммуникативная, когда значение имеет не сама информация, а развитие каналов, по которым она распространяется. Третья функция – алармистская, призванная обращать внимание власти и общества на проблемы, получающие в слухах массовое распространение. Четвертая функция – когнитивная: типичные сюжеты, встречающиеся в повторяющихся слухах, демонстрируют когнитивные схемы, механизмы, с помощью которых происходит разъяснение на понятном для необразованных или малообразованных слоев общества актуальных событий. Пятая и наименее очевидная функция – провидческая (часто слухи опережали события, иногда предопределяли их).

Первые научные исследования слухов делали акцент на искажении в них первоначальной информации². Со временем исследователи слухов перестали ограничивать их роль исключительно функцией передачи информации, обращая внимание на то, что слухи отражают психологическое состояние социума. Г. Олпорт и Л. Постман показали, что функционирование слуха предполагает три действия: «выравнивание» (исключение малозначимых, лишних деталей), «обострение» (концентрация и выделение общественно важных деталей) и «ассимиляция» (искажение информации в результате подсознательной интерпретации) [Allport, Postman 1947, p. 75]. В 1944 г. Р. Кнапп в «Психологии слухов» отметил такую их важную функцию, как выражение эмоциональных потребностей общества [Кнапп 1944]. Тем самым слухи оказываются неким эмоциональным зеркалом социума, и в этом смысле их массовое распространение можно определить как «постправду»: ситуацию, в которой объективные факты менее важны для

¹ В настоящей статье речь идет о массовых слухах, резонирующих с общественными настроениями и потому становящихся популярными в широких слоях населения. Как правило, массовые слухи возникают стихийно, под воздействием общественных страхов, в отличие от целенаправленно запускаемых в информационное пространство «уток», «фейков» и прочих форм дезинформации, носящих искусственный характер. Впрочем, сознательная локальная дезинформация может приобретать массовый статус и в дальнейшем развиваться стихийно, подчиняясь коллективному воображению.

² Stern W. Zur Psychologie der Aussage. Experimentelle Untersuchungen über Erinnerungstreue. Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. Vol. 22. Cahier 2/3, 1902.

формирования общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям³. В работах Т. Шибутани акцент с качественно-содержательной стороны слухов смещается в сторону их коммуникативных характеристик, тем самым определение слухов выходит за рамки оппозиции «правда – ложь», превращает их в важный элемент социальных отношений [Shibutani 1966, p. 17].

В последние десятилетия руморологическое направление успешно развивается и в исторической науке. О.А. Гайлит насчитала 118 русскоязычных работ историков, вышедших в 1995–2017 гг., в которых предметом исследования стали слухи в XIX–XX вв. [Гайлит 2018]. Особое внимание уделяется кризисному периоду 1914–1918 гг. [Колоницкий 2010; Булдаков, Леонтьева 2015; Аксенов 2020]. В 1999 г. Б.И. Колоницкий исследует отражение процесса десакрализации монархии в политических слухах в годы Первой мировой войны, еще раньше, в 1997 г., В.П. Булдаков показывает роль слухов в революционном насилии 1917 г. [Колоницкий 1999; Булдаков 1997]. В 1997 г. В.В. Кабанов одним из первых акцентировал внимание на роли слухов о недостатке хлеба в событиях 23 февраля 1917 г., также он предпринял попытку классификации слухов исходя из их роли в обществе, выполняемых функций⁴. Так, было предложено делить слухи на причины и катализаторы событий, «слухи-формулы», передававшие массовое представление о функционировании какого-то явления, «слухи-легенды», оставшиеся в исторической памяти народа. В качестве другого варианта классификации Кабанов предлагал деление на «оптимистические» и «пессимистические», а также «сбывшиеся» и «несбывшиеся». И.В. Побережников в отдельную группу выделяет слухи, обращенные в будущее (предсказательные), дополняя их эмоциональной классификацией (слух-мечта, слух-пугало) [Побережников 1995, с. 59]. Эта особенность слухов нуждается в отдельном пояснении.

³ Термин «постправда» получил развитие благодаря публикации в 1992 г. эссе Стива Тесича «Правительство лжи», в котором на примере «Уотергейтского», «Ирангейтского» и «Ирако-Кувейтского» кризисов проиллюстрировал тезис о том, что ложь американского правительства в этих случаях опиралась на желание самого общества быть обманутым во имя психологического комфорта (чувства национального самоуважения). Тем самым массовое сознание отторгло правду, предпочитая ей пропагандистские мифы [Tesich 1992]. Оксфордский словарь английского языка назвал «постправду» словом года в 2016 г.

⁴ Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М., 1997.

Массовые слухи демонстрировали способность массового сознания предчувствовать и предугадывать развитие событий даже в ситуации общественно-политического хаоса тогда, когда сильные ощущения «конца истории» (например, о «красном» и «белом» терроре в ноябре 1916 г., тогда же – о неизбежности революции в 1917 г., летом–осенью 1917 г. – о предопределенности «Корниловского мятежа» и большевистского переворота и т. д.). Чувственно-эмоциональная природа слухов предопределяет их чуткость к внешним процессам и в некоторых случаях оказывается более эффективной в плане прогнозирования, чем попытки рационального анализа. Вместе с тем нельзя отрицать и того, что стихийно распространявшиеся слухи сами могли стать неким сигналом к действию, предопределить ту или иную развязку.

Найти объяснения прогностических способностей слухов можно в философско-социологической теории. К. Поппер, критикуя историцизм, использовал понятие «Эдипов эффект» – «влияние предсказания на предсказанное событие (или, шире, влияние информации на ситуацию, к которой эта информация относится); причем несущественно, направлено ли это влияние на осуществление или на предотвращение предсказанного события» [Поппер 1992]. Еще раньше У. и Д. Томас в 1928 г. объяснили похожий феномен тем, что события конструируются представлениями людей о них: «Если люди считают ситуации реальными, то они оказываются реальными по последствиям» [Thomas 1928, pp. 571–572]. На основе «теоремы Томаса» Р. Мертон разработал теорию «самоосуществляющегося пророчества» (“the self-fulfilling prophecy”), согласно которой ложное предсказание, кажущееся современникам истинным, будет влиять на поведение людей так, что их действия сами приведут к исполнению этого предсказания [Merton 1968, p. 477]. В близком значении В.П. Булдаков выдвинул оригинальную концепцию «хроники заранее объявленной революции» (оммаж Г. Маркесу), согласно которой слухи подготовили массовое сознание к идее неизбежности революции, тем самым запрограммировав общество на нее [Булдаков 2018].

Пространство слухов интертекстуально. Отчасти это связано с тем, что стимулами для их возникновения и распространения могут выступать как внешние факторы повседневной, политической жизни, так и некие внутренние архетипы, поднимающиеся в кризисные времена из глубин подсознания. Однако в их основе часто лежит некий исторический факт, подлинное событие, подвергнутое воздействию коллективного воображения. Так, например, начало Первой мировой войны породило в народе различные

объяснения ее причин. Одни крестьяне утверждали, что война затеяна для того, чтобы истребить народ и не наделять его землей, другие придумывали менее рациональные объяснения, создавали сказочный нарратив. Среди слухов последнего, нарративного типа можно привести «сватовскую» версию начала войны, в которой австрийский наследник престола Франц Фердинанд приехал в Россию свататься к царевне Ольге Николаевне, но затем обманул ее. В ответ оскорбленные русские министры организовали убийство герцога⁵. При всей абсурдности версии о сватовстве 51-летнего Франца Фердинанда, состоявшего к тому же в официальном морганатическом браке с чешской графиней, нельзя не вспомнить историю сватовства к княжне Ольге Николаевне наследного принца Румынии Карола, приехавшего в начале 1914 г. с этой целью в Петербург. В мае начали распространяться слухи о предстоящей свадьбе Карола и Ольги, однако по вине русской стороны помолвка не состоялась. Связав неудавшуюся помолвку Карола и Ольги с начавшейся вскоре войной, поменяв действующих лиц и роли сторон в этой истории, народная молва создала доступную и удобную для понимания в деревенской среде версию.

Архетипический пласт слухов обнаруживается в демонизации российских императриц. Так, например, когда с весны 1915 г. начинается «сахарный голод», рождается слух о том, что весь сахар отправляет в Германию императрица-шпионка (Александра Федоровна в представлениях городских слоев, Мария Федоровна – сельских). Здесь мы наблюдаем в первую очередь повседневный стимул слуха. Однако общее недоверие к императрицам поднималось из архетипического уровня, главным аргументом их предательства выступало утверждение, что они «плачут, когда бьют немцев, и смеются, когда убивают наших», что уходит корнями в мифологические описания природы дьявола. В этой же группе находятся эсхатологические слухи о том, что Николай II – Антихрист, являвшиеся продолжением старообрядческой традиции, а также слухи о «подменном царе». Так, крестьянин Тверской губернии Никита Брюнгин 19 апреля 1915 г. заявил, что «государя императора у нас нет уж четыре года и за него у нас кто-то там правит»⁶. В августе 1915 г. крестьянин Вятской губернии Иван Машковцев рассказывал своим односельчанам: «У нас Николка сбежал; у нашей державы есть три подземельных хода в Германию и один из дворца, быть может туда уехал на автомобиле»⁷.

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 211, 426.

⁶ Там же. Л. 99 об. – 100.

⁷ Там же. Л. 261 об. – 262.

Некоторые слухи, оперировавшие архетипическими образами, настолько укоренились в массовом сознании, что превращались в городские легенды. Одним из ярких примеров стал появившийся в 1917 г. слух о «черных авто», сохранявшийся в разных вариациях на протяжении всего XX и даже начала XXI в. («черная маруся», «черный воронок», «черная волга») [Аксенов 2017].

Архетипические слухи-мифемы в большей степени были характерны для необразованных слоев империи, однако усиливавшийся на протяжении Первой мировой войны социально-политический кризис, снижавший доверие к официальной информации и в целом к печатному слову, не без помощи цензурной политики властей способствовал архаизации сознания образованных слоев и проникновению в городскую среду деревенских слухов. Летом 1915 г. Л.А. Тихомиров записал в дневнике произошедший на рынке разговор: «Вот, например, толкуют бабы, крестьянки, привезшие на продажу всякие продукты. Она громко говорит, что везде во власти изменники. На возражение, что не нужно верить этому вздору, – она говорит: “Какой там вздор, царица чуть не каждый день посылает в Германию поезда с припасами; немцы и кормятся на наш счет, и побеждают нас”. Напрасны возражения, что это нелепость, и что физически невозможно посылать поезда... баба отвечает: “Ну уж там они найдут, как посылать”... Ей говорят, неужто она, дура, не понимает, что Государь ничего подобного не допустит? Она отвечает: “Что говорить о Царе, его уже давно нет в России”. – “Да куда же он девался?” – “Известно, в Германию уехал”. – “Да, глупая баба, разве Царь может отдать свое царство немцам?” – Она с апломбом отвечает: “Да ведь он уехал на время – только переждать войну”. Кто распространяет такие чудовищные бессмыслицы? Это вопрос неважный. Могут распространять не только наши революционеры, но даже сами немцы. Но дело не в том, что распространяют, а в том, что верят»⁸. Показательно, что Тихомиров сам подвергался влиянию этих слухов, снижавших рационально-аналитическое восприятие событий. Так, пересказывая поступавшие из деревни абсурдные истории о том, как немецкие шпионы на велосипедах разбегают по деревням и отравляют колодцы холерными вибрионами, а крестьяне, пускавшиеся на лошадях в погоню за велосипедистами, не могли догнать неуловимых врагов, он замечал в дневнике: «Что тут правда – не знаю»⁹.

Если в деревенском пространстве слухов обнаруживается роль сказочной традиции, то в городском пространстве – беллетристики,

⁸ Дневник Л.А. Тихомирова: 1915–1917 гг. М., 2008. С. 95–96.

⁹ Там же. С. 85.

в том числе фантастики, которая на рубеже XIX–XX вв. предсказывала большую европейскую войну. Современные исследователи обращают внимание на то, что художественная литература начала XX в. становилась фактором невротизации городского социума и даже провоцировала resentment в массовом сознании [Булдаков 2022; Аксенов 2023]. Художественные образы помогали визуализировать актуальные страхи. В этом отношении интерес вызывают зафиксированные в источниках сновидения, возникающие во время обработки мозгом дневного опыта, в том числе актуальных и не всегда отрефлексированных переживаний. Так, показателен сон, приснившийся археологу В.А. Городцову, который он записал в своем дневнике 12 сентября 1914 г. В этом сне причудливо переплелись сюжеты научной фантастики (чувствуется влияние романа Ж. Верна «Пятьсот миллионов бегумы», в котором описывалось противостояние свободного города Франсевилля и милитаризованного Сталеграда), открытия в области естественных наук, современная международная ситуация и собственные подсознательные страхи автора. Во сне происходило решающее сражение между армией Вильгельма II и защитниками города Новомир. Главный герой, желая получше рассмотреть битву, поднялся со своим дедушкой в небо на аэроплане и увидел, как наступавшая неприятельская армия оказалась вдруг парализованной пущенными из лаборатории Новомира токами¹⁰.

Кроме Ж. Верна воображение читателей потрясали картины, созданные его современником – писателем-художником А. Робидой. В романе «Война в XX веке» была описана высокотехнологичная война, образы которой стали результатом известий о новейших научных экспериментах и слухов об успехах и неудачах ученых. Так, страхи перед опытами биологов, медиков, подсказали писателю сюжет о разработке бактериологического оружия, а популярность эзотерических теорий, коими увлекались даже известные физики, заставляла фантазировать об отрядах боевых медиумов-экстрасенсов. Последние фигурировали в столичных шпионских слухах 1914–1916 гг., причем одним из экстрасенсов-шпионов считали Г. Распутина, который якобы вместе с шайкой немецких агентов подчинил своей воле разум императора и императрицы. О магнетизме Распутина говорили в разных сферах. Князь Ф. Юсупов уверял, что «лицо с такой магнетической силой, как Распутин, появляется раз в тысячу лет»¹¹.

¹⁰ *Городцов В.А. Дневники ученого: 1914–1918: В 2 кн. Кн. 1. М., 2019. С. 98.*

¹¹ *Дневник члена Государственной Думы В.М. Пуришкевича. Рига, 1924. С. 135.*

Массовое распространение мистицизма с началом Первой мировой войны способствовало популярности подобных тем.

Разрекламированные беллетристикой фантастические способы воздействия на человека таинственных лучей (рентгеновских, лазерных, радиоволн и проч.) с целью убийства, внушения мыслей на расстоянии порождали слухи о деятельности в России шпионов-изобретателей. Так, в Департамент полиции стали поступать анонимные доносы на проживавшую в Петрограде на Васильевском острове семью пастора Г. Пенгу. Якобы все члены семьи были шпионами, а сын к тому же изобретателем, который придумал аппарат, позволявший «видеть сквозь стены на далекое расстояние. Посредством своего аппарата он похитил много изобретений, а настоящих изобретателей тайком умертвил на расстоянии. При помощи новых изобретений можно гипнотизировать на расстоянии, распространять болезни, умертвить кого угодно»¹². Проведенное расследование установило, что доносы писал отставной коллежский секретарь Р.М. Сальман, который оказался душевнобольным, однако распространяемые им истории резонировали с массовыми страхами, и пространство слухов (равно как сюжеты доносов) демонстрировало невротизацию обывателей и иррационализацию общественных настроений.

Горожане, поражаясь наплыву абсурдных сплетен, тщетно пытались понять, откуда они берутся, и предполагали существование таинственных «фабрик слухов», организованных внутренними врагами (немецкими шпионами и революционерами). Не в силах их локализовать, современники в конце концов смещали акцент с поиска тайных распространителей на поиск причин их массовой популярности: «Кто распространяет такие чудовищные бессмыслицы? Это вопрос неважный. Могут распространять не только наши революционеры, но даже сами немцы. Но дело не в этом, что распространяют, а в том, что верят...»¹³.

Слухи пугали официальных лиц не только тем, что они дискредитировали власть, становились стимулами политических протестов, но и тем, что провоцировали социальное насилие. По мере ухудшения продовольственного снабжения городов, инфляции в разных частях империи вспыхивали продовольственные погромы, в ряде случаев приобретавшие этнический характер. Наиболее масштабным и резонансным стал московский погром, начавшийся 26 мая 1915 г. с беспорядков, устроенных на Тверской женщинами-солдатками. Они собрались у Комитета великой

¹² ГА РФ. Ф. 102. ДП-ООО. П. 245. Д. 33. Т. 2. Л. 65.

¹³ Дневник Л.А. Тихомирова... С. 96.

княгини Елизаветы Федоровны в надежде получить работу (шитье для армии), но распространился слух, что заказов не будет, «потому что “немка” великая княгиня отдала все заказы немецкой фабрике “Мандль”» (следует заметить, что заказы действительно были переданы бывшей австрийской фирме «Мандль», которая была преобразована в акционерное общество во главе с графом Татищевым, но по решению не великой княгини, а интендантского ведомства¹⁴). В итоге женщины попытались штурмом взятие Комитета, но были разогнаны полицией. К другим слухам-стимулам майского погрома следует отнести ксенофобские страхи о том, что немцы организовали взрывы на военных складах, а также что вредители отравили питьевую воду на Прохоровской мануфактуре, где было зарегистрировано тридцать случаев отравления рабочих¹⁵.

8 апреля 1916 г. московский градоначальник напомнил обывателям о существующей ответственности за распространение слухов: «В последнее время в городе все больше распространяются слухи о каких-то готовящихся избиениях или погромах то поляков, то евреев, то просто людей состоятельных и разносе магазинов... напоминая, что распространение ложных слухов, возбуждающих тревогу в населении, обязательным постановлением командующего войсками Московского военного округа карается заключением в тюрьме на срок до 3 месяцев или денежным штрафом до 3000 рублей»¹⁶. Но угрозы не помогали, так как слухи распространялись стихийно.

Местами концентрации и последующего распространения слухов становились постоянные скопления людей. В деревне слухи рождались и распространялись в полях во время перерывов сельскохозяйственных работ, в очередях на мельницах во время ожидания помола, в крестьянских избах во время празднования важных событий, в чайных лавках, на сельских сходах и проч. В условиях действующего «сухого закона» возросло досуговое значение чайных лавок, в которых собирались крестьяне не только с целью употребить запрещенный к продаже алкоголь, но и обсудить последние известия. Устраивались совместные чтения газет с их комментированием. В октябре 1915 г. начальнику Воронежского губернского жандармского управления поступило заявление о том, что в селе Мечетке Бобровского уезда местные крестьяне регулярно

¹⁴ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 563.

¹⁵ Краузе Ф. Письма с Первой мировой (1914–1917). СПб., 2017. С. 173 (примеч.).

¹⁶ Дневник Л.А.Тихомирова... С. 218.

собираются в чайной лавке, читают газетные статьи и телеграммы, которые «сопровождаются разными насмешками по отношению высшего начальства и по поводу войны»¹⁷.

В городах местами концентрации слухов становились очереди, рынки, трактиры, государственные и общественные учреждения, а также аристократические клубы. Исследователи указывают на роль светских, в первую очередь правомонархических, салонов в распространении слухов [Стогов 2007; Розенталь 2011]. Л.А. Тихомиров причислял к «правлящим силам» Императорский Яхт-клуб, ставя его выше правительства и Думы, подчеркивая его влияние «в придворных сферах»¹⁸. Министерство внутренних дел интересовалось содержанием «клубных разговоров», хотя последние и характеризовались информаторами как басни¹⁹. Однако следует учитывать специфику аристократических сплетен, которые редко становились достоянием широких народных слоев. Великий князь Андрей Владимирович считал, что в городах и местечках, где располагались штабы, именно штаб был «исходной точкой» слухов²⁰. Полковник А.Е. Снесарев, наоборот, считал, что «фабрики слухов» расположены в небольших провинциальных городках недалеко от линии фронта, где отдыхают офицеры и скапливается много подозрительных типов: «Здесь полный тыл, который представляет удивительную для моего глаза картину: карты, вино, женщины. Офицеров масса, и откуда только все они; типы все подозрительные, вероятно, из улизнувших с фронта. Здесь-то и плодится масса всяких слухов, растущих на этой благоприятной для них почве»²¹. В качестве примера «штабного слуха» можно привести рассказ князя В.А. Оболенского, возглавлявшего лазарет от «Союза городов»: в одном из штабов Западного фронта его уверяли, что «немцы приспособили к разведочному делу собак и что эти собаки-шпионы рыщут между нашими войсками»²².

¹⁷ ГА РФ. Ф. 102. ДП-ОО. Оп. 245. Д. 33. Т. 4. Л. 436.

¹⁸ См.: Дневник Л.А. Тихомирова... С. 111.

¹⁹ См.: Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 г. // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 8.

²⁰ См.: Дневники, воспоминания, письма великого князя Андрея Владимировича. М., 2018. С. 70.

²¹ Снесарев А.Е. Письма с фронта: 1914–1917. М., 2012. С. 60.

²² Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники: Воспоминания: 1869–1920. Т. 2. М., 2017. С. 123. Вероятно, поводом к рождению этого слуха стали реальные факты использования немцами собак в качестве санитаров и курьеров.

Хотя термин «слух» этимологически связан с устной неофициальной информацией, тиражирование слухов происходило и посредством печати. Ряд газет, вне зависимости от своей политической направленности, заводил регулярные колонки «слухи и сплетни», в которых отражались общественные фобии. Страх перед «внутренним немцем» проявился в газетах уже в первые дни войны. Наиболее обсуждаемым в светских столичных кругах был растиражированный слух об аресте и казни за шпионаж графини М.Э. Клейнмихель – организовавшей в своем доме аристократический салон и устраивавшей костюмированные балы для ограниченного круга знати. А.И. Спиридович вспоминал, что салон Клейнмихель считали тайным логовом немецких шпионов²³. Говорили, что накануне войны Клейнмихель передала германскому кайзеру в коробке из-под конфет план военной мобилизации, познакомившись с которым Вильгельм II объявил России войну. Газеты сообщали, что вместе с Клейнмихель был казнен бывший градоначальник Д.В. Драчевский (вероятно, поводом к слухам послужила его отставка в июле 1914 г. из-за растраты денежных средств). Со ссылкой на некоего жандармского полковника, присутствовавшего на казни, рассказывали, что графиня Клейнмихель «очень храбро умирала, в то время как Драчевский дрожал от страха и молил о пощаде»²⁴. Эти истории не без любопытства читала в газетах 19 июля 1914 г. сама графиня, сидя на своей даче, а на следующий день во время высочайшего приема в Зимнем дворце обратила внимание, что генерал К.К. Максимович, завидев ее, «сделал такое изумленное лицо, будто перед ним стояло привидение».

Помимо «шпионских» историй и негативных слухов, основанных на общественных страхах, газеты распространяли и «позитивные» слухи, в которых воспевались успехи русской армии на фронте. Правда, по мере затягивания войны обыватели переставали им верить. Москвич Н.П. Окунев иронизировал в своем дневнике по поводу ура-патриотических публикаций прессы, рисовавших ситуацию на фронте в розовом свете: «Должен же я увековечить в своей летописи германского генерала Клука, сражающегося с французами и англичанами. О нем вот как с месяц пишут ежедневно: то он окружен, то разбит со своей армией, то он сдался, то он еще не сдался, но положение его критическое, то он бежит. Ну, одним словом, не было ни одного дня, когда бы этого бедного Клука не

²³ См.: *Спиридович А.И.* Великая война и февральская революция: 1914–1917. Кн. 1. Нью-Йорк, 1960. С. 17.

²⁴ *Клейнмихель М.Э.* Из потонувшего мира: Мемуары. Берлин, 1923.

разбивали и не “пленяли”, но он, как видится, жив и постреливает себе в своих неприятелей»²⁵.

С лета 1915 г. в общественном сознании произошла замена внешнего врага на врага внутреннего. Газеты сообщали о «темных силах». Как правило, под ними имелись в виду «внутренние немцы», но черносотенные издания, например «Земщина» Н.Е. Маркова-2, также акцент делали на еврейском вопросе, обвиняя иудеев в желании разрушить русские самодержавно-православные устои. С этой целью обращалось внимание на различные проявления кризиса повседневности. В частности, когда летом–осенью 1915 г. в столице обнаружился недостаток разменной медной и серебряной монеты (известный как «медный» или «разменный голод»), родилась версия, что все монеты были собраны евреями то ли с целью переправки их в Германию, то ли сохранения до лучших времен. Антисемитизм сочетался с фобиями перед учеными. Появлялись слухи о врачах-вредителях, которые якобы ампутируют без надобности конечности легкораненых русских воинов. В национальных окраинах империи обострялись местные этнические конфликты и появлялись характерные этнофобические сюжеты слухов. В нелояльности подозревали поляков, финнов, прибалтов, татар, кавказцев, персов и другие народы, которым приписывали всевозможные заговоры в интересах неприятеля.

Историк и издатель С.П. Мельгунов во время выступления в московском обществе деятелей периодической печати 28 февраля 1916 г. говорил: «Наша печать за самым малым исключением повинна в тяжком грехе распространения тенденциозных сведений, нервизирующих русское общество, культивирующих напряженную атмосферу шовинистической вражды, при которой теряется самообладание и способность критически относиться к окружающим явлениям»²⁶. С этим были согласны и в Совете министров, причем ответственность возлагали как на правые, так и «левые» издания. На секретном заседании Совета министров 16 августа 1915 г. министр внутренних дел кн. Н.Б. Щербатов и государственный контролер П.А. Харитонов признавали, что «“Земщина” и “Русское знамя” вредят не меньше разных “Дней”, “Ранних утр” и т. п. органов»²⁷. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов крайне вредными

²⁵ *Окунев Н.П.* В годы великих потрясений: Дневник московского обывателя: 1914–1924. М., 2020. С. 51.

²⁶ *Мельгунов С.П.* О современных литературных нравах. М., 1916. С. 65.

²⁷ *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 г.) // Архив русской революции. Т. 18. Берлин, 1926. С. 76. В первоначальных записях А.Н. Яхонтова фраза П.А. Харито-

считал суворинские «Новое» и «Вечернее время», предлагая их «прихлопнуть», однако Харитонов сообщал, что эти две газеты «не-прикасаемые», так как находятся под особым покровительством Ставки. Главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин предлагал нанести удар по желтой прессе: петроградской и московской «Копейкам»²⁸. В августе 1915 г. во время всеподданнейшего доклада А.В. Кривошеина император «выражал неудовольствие по поводу резкого тона газет и вмешательства их в неподлежащие сферы»²⁹. Как следствие министры обсуждали закрытие крайне правых и крайне левых газет с целью устрашения издателей, а также возможности по ужесточению цензуры, игнорируя тот факт, что именно последняя подстегивала фантазию газетчиков. Не желая допускать независимость «четвертой ветви власти», министры обвиняли всю прессу в «распространении слухов в заведомо агитационных целях». «Особенно надо обратить внимание на статьи, которыми в обществе возбуждаются неосновательные надежды и ожидания. Здесь вранье с расчетом – оповестить, а потом свалить на правительство или, еще хуже, на влияния», – возмущался министр юстиции А.А. Хвостов³⁰.

Разбор основных сюжетов пессимистических политических слухов и их появления в столичном обществе позволяет представить динамику массовых настроений городских слоев. Всего можно выделить 55 распространенных сюжетов, которые относятся к семи общим группам: слухи о царской семье; об измене генералов и членов правительства; о тайной деятельности шпионов; о заговорах и приближающейся революции; ситуация на фронте; «распутини-ада»; бытовые проблемы. При этом по всем группам прослеживаются сквозные мотивы: шпиономания и формы ксенофобии, эсхатологические предчувствия, предчувствия революции. Развитие общественных настроений позволяет связать отдельные городские слухи в единый нарратив. Так, например, можно реконструировать представления обывателей о политической эволюции России сквозь призму августейших семейных отношений: Александра Федоровна, занявшись шпионской деятельностью, изолирует Николая II от генералов и министров, добивается того, что император

нова была лаконичнее: «“Земщина” и “Русское знамя” раздражают» (Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 223).

²⁸ См.: Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны... С. 217.

²⁹ Яхонтов А.Н. Указ. соч. С. 75.

³⁰ Там же.

ее назначает регентом, настраивает мужа против Государственной думы, однако когда царь узнает о ее адюльтере с Распутиным, он разводится с царицей, отправляет ее в монастырь и передает Думе часть своей власти (а верховным главнокомандующим делает Брусилова). В этом нарративе можно расставить акценты в соответствии с наиболее популярными жанрами беллетристики: шпионского детектива (основоположником которого в России считался сын «бабушки русской революции» Н.Н. Брешко-Брешковский, эксплуатировавший в своих произведениях массовые слухи и общественные страхи периода Первой мировой войны) и декадентско-мистической драмы, влияние которой обнаруживается на творчестве многих именитых литераторов начала XX в., например Л. Андреева. В первом случае общий сюжет разбавляется техническими деталями (использование шпионских радиостанций, попытки воздействия на разум врагов с помощью радиолучей), посредничеством светских дам М. Клейнмихель, М. Васильчиковой, М. Мекленбург-Шверинской, формировавших шпионские сети; во втором случае, учитывая слухи об успехах Распутина в оккультных таинствах, «темные силы» представлялись не агентами германского генштаба, а посланниками самого дьявола.

Слухи деревенской среды складываются в сказочный нарратив, который можно реконструировать, отталкиваясь от изученной В.Я. Проппом морфологической структуры волшебной сказки [Пропп 1998]. Помимо царя с царицей здесь фигурируют три дочери (вероятно, по причине малолетства не упоминаются Анастасия и Алексей или ввиду известности портрета императорской семьи с тремя царевнами). Завязкой сказочного конфликта становилось неудавшееся сватовство. Упоминание в крестьянском дискурсе «министров-сволочей», которые куда-то ездили, после чего началась война, позволяет интерпретировать данный сюжет в качестве важного морфологического элемента сказки – козней антигероя. Этот антигерой, находящийся при дворе и манипулирующий императором, соответствует сказочному «ложному герою». Часто в сказках роль ложного героя отводится злой мачехе, однако встречаются варианты, когда и родные родители выступают отрицательными персонажами и стараются сгубить своих детей. При отсутствии в семье российского императора мачехи ее сказочная роль переходит к императрице-матери Марии Федоровне или императрице-супруге Александре Федоровне. Антагонисты, по мнению крестьян, либо шпионили в пользу Германии, либо вели дискредитирующий царскую династию распутный образ жизни (прикидываясь сестрой милосердия, царица вывозит своих дочерей из дворца и развращает их). Царь-дурак, лежащий на печи и не видящий того, что творят

под его носом ложные герои, наделяется отрицательными характеристиками и, по логике сказочного нарратива, должен быть либо изгнан (слухи о бегстве по подземному ходу), либо убит (слухи о покушениях). Третьим обобщающим вариантом окончания сказочной роли Николая выступает его ослепление, семантически связанное со смертью и попаданием в ад. Правда, в других вариантах этого сказочного дискурса царь выступал главным антигероем (слухи о том, что Николай – это царь-Ирод, Антихрист), отправлявшим своего слугу на смертельные испытания. В сказках этот сюжет также заканчивался победой простоватого Иванушки-дурачка над злым царем [Аксенов 2014]. Сравнение городских и деревенских руморологических нарративов обнаруживает противопоставление образов августейших особ. Так, императрица, считавшаяся крестьянами распутной, в городском фольклоре становится сумасшедшей, а Николай II, представляемый крестьянами в образе алкоголика, в городе превращается в наркомана.

Слухи поражали не только обывательские слои, но и захватывали органы власти, становясь фактором политики. Летом 1915 г. министры на секретных совещаниях обсуждали слухи о том, что Земгор создает собственную армию с «300 бронированными автомобилями», а некоторые депутаты Государственной Думы склонялись к мысли, что МВД готовит на улицах провокации, чтобы жестоко их подавить и еще больше ограничить свободы общества. «Шингарев выразил убеждение, что Маклаков занимается провокацией, стараясь вызвать недовольства и беспорядки, чтобы построить свою карьеру на подавлении их. Я сам почти уверен, что это так», – писал в своем дневнике петроградский городской голова И.И. Толстой весной 1915 г.³¹ Когда в десятых числах сентября 1915 г. в Москве начались рабочие беспорядки, некоторые современники были уверены в том, что побоище 14 сентября на Страстной площади было организовано градоначальником Е.К. Климовичем: якобы заранее к памятнику А.С. Пушкина свезли груды камней, а у Страстного монастыря в засаде засела полиция, ожидая трамвайную провокацию с участием солдата-георгиевского кавалера. Смысл этих действий усматривали в том, чтобы, спровоцировав революционный бунт, заключить сепаратный мир³². По другой версии, провокация была организована из Петрограда с целью разгромить московское общественное движение.

Нервные настроения и чувство неопределенности охватили депутатов после думских демаршей ноября 1916 г. Кулуарно

³¹ ГА РФ. Ф. 102. ДП-ООО. П. 245. Д. 33. Т. 2. Л. 65.

³² Дневник Л.А. Тихомирова... С. 96.

обсуждали слухи о том, что к Таврическому дворцу будут стянуты войска и Дума будет окончательно закрыта, обсуждали информацию о подготовке убийства П.Н. Милюкова, говорили о том, что осталось лишь два варианта: император распустит либо Думу, либо правительство и пр.³³ Депутат-кадет В.В. Лашкевич, когда шел в Думу 2 ноября, был уверен, что она уже закрыта³⁴. Член Государственной Думы М. Воронков писал 30 ноября 1916 г.: «Неопределенность сидеть в Питере. Есть такое предположение, что каждая фракция запретила своим членам разъезжаться по домам. Последние дни передавали слухи о возможности образования общественного кабинета, но теперь все меньше и меньше верят. Положение действительно напряженное, в верхах какие-то комбинации зревают, но об истинных намерениях ничего неизвестно. Упорно говорили, что предполагается высокотожественное совместное заседание Думы и Совета в присутствии государя»³⁵.

Погрязшую в слухах и сплетнях Думу изобразил в декабре 1916 г. художник А. Радаков. На его карикатуре «Наша зоология» в образе летучей мыши под сводами Таврического дворца парил депутат П. Крупенский, который отличался тем, что «все время перепархивает от депутатов к министрам и обратно – со всеми шепчется и переносит туда и сюда разные вести и сплетни»³⁶. Как впоследствии выяснилось, Крупенский был платным осведомителем Департамента полиции и внес свою лепту в «заражение» сознания властей конспирологическими слухами.

В декабре 1916 – январе 1917 г. политическая ситуация в стране окончательно вышла из-под контроля власти, пребывавшей в полной растерянности и питавшейся, как и все общество, слухами. В основе этих слухов лежали страхи, в том числе перед Государственной Думой. Конспирологическое сознание, оживающее тогда, когда теряется связь с реальностью, рисовало картины думского заговора. Петроградское охранное отделение со ссылкой на слухи сообщало: «Передают, как слух, о том, что накануне минувших рождественских праздников или в первые дни таковых состоялись якобы какие-то законспирированные совещания представителей левого крыла Государственного совета и Государственной думы»³⁷.

³¹ См.: *Толстой И.И.* Дневник: 1906–1916. СПб., 1997. С. 611.

³² См.: *Городцов В.А.* Дневники ученого. Кн. 1. С. 476–477.

³³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1401; Д. 1058. Л. 891, 899.

³⁴ Там же. Д. 1059. Л. 904.

³⁵ Там же. Д. 1064. Л. 1403.

³⁶ *Радаков А.А.* Наша зоология // Новый Сатирикон. 1916. № 50. С. 8.

³⁷ Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 161.

Тем самым слухи становились источником информации для исполнительных органов власти, определяя их последующие шаги. В другой записке петроградская охранка пыталась реконструировать планы Государственной Думы по организации переворота, ссылаясь на сообщение агента о проходившем 30 декабря 1916 г. совещании у П.П. Рябушинского: якобы после роспуска Государственной Думы она планирует переехать в Москву и оттуда обратиться к народу с воззванием о том, что правительство ведет страну к гибели. Организацией распространения воззвания на фронте должен был заняться А.И. Гучков³⁸. В начале февраля 1917 г. представители консервативных кругов пугали друг друга в письмах слухами о том, что П.Н. Милюков собирается захватить в стране власть³⁹.

Слухи о секретных совещаниях депутатов, вместе с информацией о деятельности рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, приводят к версии об их тесной связи. Накануне ареста рабочей группы 26 января 1917 г. Глобачев передает информацию, полученную от агентов, что рабочей группой ЦВПК управляют Родзянко и Милюков (*sic!*), которые с ее помощью пытаются организовать 14 февраля, в день открытия Думы, шествие к Таврическому дворцу, во время которого народ должен потребовать от Думы создать Временное правительство, или «правительство спасения»⁴⁰. В докладе сообщалось, что Гучков с князем Львовым считают «мечты о захвате власти при содействии демонстративно выступивших масс населения неосуществимыми», поэтому они разработали план, основанный на «уверенности в неизбежности “в самом ближайшем будущем” дворцового переворота, поддержанного всего-навсего лишь одной-двумя сочувствующими этому перевороту воинскими частями»⁴¹. Эти же слухи приводил в своем докладе и градоначальник А.П. Балк. Эта ошибочная информация приводит к ошибочным действиям властей, которые лишь приближают трагическую развязку: ликвидация рабочей группы, созданной для разрешения конфликтов рабочих с заводской администрацией, делает невозможным мирный исход забастовки на военном Путиловском заводе, результатом чего стал локаут 22 февраля, выбросивший на улицу 36 тысяч человек, которые на следующий день присоединились к забастовке женщин-работниц, требовавших хлеба. Считая именно Думу виновной в начавшихся 23 февраля беспорядках, император распоряжается ее распустить,

³⁸ Буржуазия накануне Февральской революции. С. 165.

³⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 45.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669а. Л. 12–19.

⁴¹ Там же. Л. 14.

что переводит депутатов на сторону восставших. Тем самым в январе – феврале 1917 г. слухи стали значимым стимулом действий властей, реализуя упомянутую функцию «самоосуществляющегося пророчества». Напуганные предчувствиями грядущей революции власти, поверив слухам о заговорах в Государственной Думе, ЦВПК, бросили силы на «предотвращение» революции, чем только ускорили ее приближение.

Таким образом, слухи, являясь естественной структурой повседневности, выполняли разнообразные функции в жизни общества. Однако в кризисные периоды истории, когда нарушается доверие между властью и обществом, важную роль в чем играет государственная цензурная политика, происходит ограничение общественных свобод, разрастается информационный кризис, проявляющийся в повышении удельного веса устной, неофициальной информации, носящей дискредитирующий власть характер. Переход слухов с повседневного уровня на уровень политический делает их важным фактором политики, предопределяющим ошибочные стратегии власти и общества, которые ведут к революции.

Литература

- Аксенов 2014 – Аксенов В.Б. «Сказка о царе и мировой войне», или Опыт реконструкции мифологического дискурса российских крестьян в 1914–1917 гг. // Acta Slavica Iaponica. 2014. Vol. 34. P. 17–47.
- Аксенов 2017 – Аксенов В.Б. «Черное авто» как символ революционного насилия в 1917 г.: фобия, мифологема, эмоциональный стимул // Антропологический форум. 2017. № 32. С. 112–141.
- Аксенов 2020 – Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции: массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2020. 992 с.
- Аксенов 2023 – Аксенов В.Б. Война патриотизмов: пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи. М., 2023. 488 с.
- Булдаков 1997 – Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. 965 с.
- Булдаков, Леонтьева 2015 – Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015. 720 с.
- Булдаков 2018 – Булдаков В.П. Метанарративы и микронарративы Русской революции: к переосмыслению сложившихся представлений // Столетие русской революции 1917 г. и ее значение в мировой истории и культуре. Будапешт: Russica Pannonica, 2018. С. 77–90.
- Булдаков 2022 – Булдаков В.П. У истоков Первой мировой войны: смута в европейских умах // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2022. № 2 (62). С. 5–27.

- Гайлит 2018 – *Гайлит О.А.* Исследовательские возможности слухов и проблемы их изучения в работах современных историков // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 4 (20). С. 45–52.
- Колоницкий 1999 – *Колоницкий Б.И.* К изучению механизма десакрализации монархии (слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны) // Историк и революция. СПб., 1999. С. 72–86.
- Колоницкий 2010 – *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. 664 с.
- Побережников 1995 – *Побережников И.В.* Общественные настроения в уральской деревне XVIII–XIX вв.: опыт классификации слухов // Уральский исторический вестник. 1995. № 2. С. 58–73.
- Поппер 1992 – *Поппер К.* Нищета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 49–79.
- Пропп 1998 – *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки. М., 1998. 224 с.
- Розенталь 2011 – *Розенталь И.С.* Политические клубы, кружки, салоны // Очерки русской культуры: конец XIX – начало XX в. Т. 2: Власть. Общество. Культура. М., 2011. С. 161–201.
- Стогов 2007 – *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX в.). СПб., 2007. 310 с.
- Allport, Postman 1947 – *Allport G., Postman L.* Psychology of rumor. N.Y.: Henry Holt and Company, 1947. 269 p.
- Knapp 1944 – *Knapp R.* A psychology of rumor // Public Opinion Quarterly. 1944. № 8 (1). P. 22–37.
- Merton 1968 – *Merton R.K.* Social theory and social structure. N.Y.: Simon and Schuster, 1968. 702 p.
- Shibutani 1966 – *Shibutani T.* Improvised news. A sociological study of rumor. Indianapolis, 1966. 262 p.
- Tesich 1992 – *Tesich S.* A government of lies // Nation. 1992. Vol. 254. No. 1. P. 12–14.
- Thomas 1928 – *Thomas W.J., Thomas D.S.* The child in America: Behavior problems and programs. New York: Knopf, 1928. 583 p.

References

- Aksenov, V.B. (2014), “The tale of the tsar and the World War, or the experience of reconstructing the mythological discourse of Russian peasants in 1914–1917”, *Acta Slavica Iaponica*, vol. 34, pp. 17–47.
- Aksenov, V.B. (2017), “ ‘Black auto’ as a symbol of revolutionary violence in 1917. Phobia, mythologeme, emotional stimulus”, *Antropologicheskii forum*, no. 32, pp. 112–141.
- Aksenov, V.B. (2020), *Slukhi, obrazy, emotsii: massovye nastroyeniya rossiyan v gody voyny i revolyutsii (1914–1918)* [Rumors, images, emotions. Mass moods of Russians during the war and revolution (1914–1918)], Moscow, Russia.

- Aksenov, V.B. (2023), *Voina patriotizmov: propaganda i massovye nastroyeniya v Rossii perioda krusheniya imperii* [The war of patriotisms. Propaganda and mass attitudes in Russia during the collapse of the empire], Moscow, Russia.
- Buldakov, V.P. (1997), *Krasnaya smuta: priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [The Red Troubles. The nature and consequences of revolutionary violence], Moscow, Russia.
- Buldakov, V.P. and Leont'eva, T.G. (2015), *Voina, porodivshaya revolyutsiyu* [The war that spawned the revolution], Moscow, Russia.
- Buldakov, V.P. (2018), "Metanarratives and micronarratives of the Russian revolution. On a rethinking of established perceptions", in *Stoletie russkoi revolyutsii 1917 goda i ee znachenie v mirovoi istorii i kul'ture* [The centenary of the Russian revolution of 1917 and its significance in world history and culture], Russica Pannonicana, Budapest, Hungary, pp. 77–90.
- Buldakov, V.P. (2022), "At the origins of the First World War. Turmoil in European minds", *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya"*, vol. 62, no. 2, pp. 5–27.
- Gailit, O.A. (2018), "Research possibilities of rumors and issues of their study in the works of modern historians", *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, vol. 20, no. 4, pp. 45–52.
- Kolonitskii, B.I. (1999), "Towards the study of the mechanism of monarchy decentralization (Rumors and 'Political pornography' during the First World War)", in *Istoriik i revolyutsiya* [Historian and revolution], Saint Petersburg, Russia, pp. 72–86.
- Kolonitskii, B.I. (2010), *"Tragicheskaya erotica": obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voyny* ["Tragic erotica". Images of the imperial family during the First World War], Moscow, Russia.
- Poberezhnikov, I.V. (1995), "Public sentiments in the Ural village of the 18th – 19th centuries. An experience of rumors classification", *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 2, pp. 58–73.
- Popper, K. (1992), "The poverty of historicism", *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 49–79.
- Propp, V.Ya. (1998), *Morfologiya volshebnoi skazki* [The morphology of the fairy tale], Moscow, Russia.
- Rozental', I.S. (2011), "Political clubs, circles, salons", in *Ocherki russkoi kul'tury: konets XIX – nachalo XX veka. T. 2: Vlast'. Obshchestvo. Kul'tura* [Essays on Russian culture. Late 19th – early 20th c. Vol. 2: Power. Society. Culture], Moscow, Russia, pp. 161–201.
- Stogov, D.I. (2007), *Pravomonarkhicheskie salony Peterburga-Petrograda (konets XIX – nachalo XX veka)* [Right-monarchical salons of St. Petersburg-Petrograd (late 19th – early 20th century)], Saint Petersburg, Russia.
- Allport, G. and Postman, L. (1947), *Psychology of rumor*, Henry Holt and Company, New York, USA.
- Knapp, R. (1944), "A psychology of rumor", *Public Opinion Quarterly*, vol. 1, no. 8, pp. 22–37.

- Merton, R.K. (1968), *Social theory and social structure*, Simon and Schuster, New York, USA.
- Shibutani, T. (1966), *Improvized news. A sociological study of rumor*, Indianapolis, USA.
- Tesich, S. (19920, "A government of lies", *Nation*, vol. 254, no. 1, pp. 12–14.
- Thomas, W.I. and Thomas, D.S. (1928), *The child in America. Behavior problems and programs*, Knopf, New York, USA.

Информация об авторе

Владислав Б. Аксенов, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, Москва, Россия; 117292, Россия, Москва, ул. Д. Ульянова, д. 19; vlaks@mail.ru

Information about the author

Vladislav B. Aksenov, Dr. of Sci. (History), Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 19, D. Ulyanov St., Moscow, Russia, 117292; vlaks@mail.ru